

0· 782243

На правах рукописи

Крылова

КРЫЛОВА АННА БОРИСОВНА

**СТРУКТУРА
ДИАЛЕКТНЫХ СОБИРАТЕЛЬНЫХ
ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Вологда – 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка
ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
доцент *Елена Николаевна Шаброва*

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор *Павел Алексеевич Катышев*

кандидат филологических наук,
доцент *Людмила Николаевна Новикова*

Ведущая организация: Институт русского языка РАН
им. В. В. Виноградова

Защита диссертации состоится «24» марта 2010 г. в 14⁰⁰ ча-
сов на заседании диссертационного совета КМ 212.031.03 при ГОУ ВПО
«Вологодский государственный педагогический университет» по адресу:
160035, г. Вологда, пр. Победы, 37, ауд. 71.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Воло-
годский государственный педагогический университет» по адресу:
160035, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6.

Автореферат разослан «19» апреля

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Л. Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации описывается морфемная структура диалектных собирательных имён существительных в современных вологодских говорах. Явления морфемной системы вологодских говоров уже рассматривались на материале слов различных частей речи [Шаброва, 1998; 2003; 2006; др.; Яшкевич, 2007; 2008; 2009; Кирилова, 2008; др.]. Вместе с тем структурная организация основ собирательных имён существительных (*де[в'ъ]-о*], *сос-ня'з*, *мянд-а'ч*, *ло'мь* и др.) ещё не была предметом монографического изучения. Это определяет актуальность темы данной работы.

Собирательные имена существительные в русском языке уже неоднократно исследовались с точки зрения языковой синхронии и диахронии [Дягтерёв, 1964; 1982; Еселевич, 1979; Лешкова, 1984; Петровська, 1973], рассматривались в русле сопоставительного изучения индоевропейских языков [Котова, 1963; Ардова, 1969], были изучены с точки зрения грамматической структуры [Колесников, 1974], специфики словообразования [Миськевич, 1971; Исаева, 1978; Ерошкина, 2000] и речевой прагматики [Высоцкая, 2002]. «Парадоксальность» (А. А. Реформатский) лексической семантики и грамматических свойств собирательных имён существительных определила исследовательский интерес к таким проблемам их описания, как взаимодействие с категорией числа на различных этапах развития русского языка [Дягтерёв, 1964; 1982; Азарх, 1984; 2000], динамика структурной и семантической организации собирательных имён существительных в различных русских говорах [Азарх, 2000; Романовская, 1972] и пр. При всём многообразии проблематики исследования собирательных имён существительных в русском языке и его территориальных диалектах на данный момент отсутствует исчерпывающее структурно-семантическое описание этого класса слов, в первую очередь, в аспекте интерпретации их морфемной структуры. Решение этой задачи осложняется тем, что исследователи по-разному определяют лексический состав собирательных имён существительных, на различных основаниях интерпретируют их структурно-семантические свойства и специфику функционирования этих слов в речи. Поэтому представляется необходимым осуществить морфемный анализ основ собирательных имён существительных на однородном в территориальном и временном отношениях лексическом материале. Решению этой задачи посвящена данная диссертация.

Целью работы является описание морфемной структуры диалектных собирательных имён существительных в современных вологодских говорах в структурно-семантическом, территориальном и когнитивном аспектах. В соответствии с данной целью в диссертации решаются следующие задачи.

1. Определить состав диалектных собирательных существительных в современных вологодских говорах (по лексикографическим данным и по результатам собственных полевых наблюдений).

2. Произвести морфемный анализ основ исследуемых существительных:

- а) составить структурно-семантическое описание морфемной структуры слов данной группы: охарактеризовать комбинаторные типы основ, исследовать инвентарь корней и аффиксов, а также специфику их взаимодействия в структуре этих основ;

б) выявить в составе основ корневые и аффиксальные морфы, неизвестные литературному языку, определить, представляют ли эти морфы общерусские морфемы или это диалектные корни и аффиксы; у диалектных морфем описать территорию их функционирования;

в) рассмотреть диалектные собирательные имена существительные как средство экспликации языковой картины мира сельских жителей Русского Севера: какие объекты, признаки и действия актуализируются компонентами морфемной структуры основ диалектного слова.

Объект изучения – это диалектные имена существительные, зафиксированные «Словарём вологодских говоров» с пометой «соби́р.» (456 слов) и выявленные нами в речи сельских жителей восточных районов Вологодской области в результате осуществления полевых обследований и проведения анкетирования (около 100 слов).

Предмет анализа – морфемная структура диалектных собирательных имён существительных, то есть инвентарь корней и аффиксов, а также характер их взаимодействия на формальном и семантическом уровнях.

Источником фактического материала, в первую очередь, послужили двенадцать выпусков дифференциального толкового «Словаря вологодских говоров» (Вологда, 1983 – 2006). Лексический состав словаря однороден как в территориальном, так и во временном отношении: в него вошла лексика вологодской группы северного наречия и некоторых сопредельных говоров (Кирилловский и Шекснинский районы Вологодской области). Материал собирался с конца 60-х годов XX века у информантов, как правило, родившихся до Великой Отечественной войны, хорошо знакомых с традиционным бытовым укладом и крестьянской духовной культурой. Поэтому материалы «Словаря вологодских говоров», на наш взгляд, вполне могут быть интерпретированы во всех заявленных аспектах исследования: в структурно-семантическом, территориальном и когнитивном.

Методологическую основу описания морфемной структуры диалектных собирательных имён существительных в данной диссертации составили научная концепция русского диалектного языка в структурно-семантическом и территориальном аспектах [Аванесов, 1965], представление о полевой структуре явления собирательности в русском языке [Бондарко, 1983; Лешкова, 1984; Высоцкая, 2002; др.], функционально-типологический подход к анализу морфемной структуры слова [Яцкевич, 1993; 2007; Морфемика, 2002] и принципы когнитивного анализа производного слова как средства вербализации языковой картины мира [Вендина, 1998]. Основным методом работы является описательно-аналитический, включающий в себя различные виды анализа языковых единиц: компонентный анализ лексической семантики слов, морфемный, словообразовательный и морфонологический анализ основы диалектного слова.

Положения, выносимые на защиту.

I. Лексико-грамматическая категория собирательности объединяет имена существительные, в которых значение неопределённого множества предметов может быть выражено разными морфемными структурами основ.

II. Собирательные существительные образуют в своей морфемной структуре предметные, признаковые и процессуальные корни в сочетании с суффиксами

собираемости. Семантика этих суффиксов может быть осложнена значениями абстрактности, единичности, уменьшительности и пр.

III. Дialeктную специфику морфемной структуры основ собирательных имён существительных определяют наличие в их составе диалектных морфем различной локализации, более широкий, чем в литературном языке, диапазон формально-семантического варьирования общерусских морфем, а также их более разнообразная сочетаемость в основах диалектных слов.

IV. Морфемная структура основ диалектных собирательных имён существительных в современных вологодских говорах репрезентирует характерные свойства морфемной системы данной группы говоров. В этой системе функционируют корневые и аффиксальные морфы севернорусской локализации, а также архаичные связанные основы с общерусскими морфемами.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые исследуется вся совокупность явлений, относящихся к структурной организации основ диалектных собирательных имён существительных в современных вологодских говорах. Ракурс наших наблюдений соотносится с выполненными ранее описаниями морфемной структуры слов в вологодских говорах [Шаброва, 1998; 2003; Кирилова, 2008; др.], что в дальнейшем позволит в целом охарактеризовать региональную специфику морфемной системы говоров вологодской группы северного наречия.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его выводы и материалы могут быть использованы для подготовки учебных курсов морфемики, словообразования и морфологии современного русского литературного языка, курса русской диалектологии, спецкурсов по диалектной морфемике и словообразованию, а также по когнитивной грамматике. Материалы диссертации, собранные и уточнённые в ситуации лингвистического эксперимента, могут быть использованы как дополнения для «Словаря вологодских говоров» и «Диалектного словаря строения слов».

Апробация исследования. Результаты работы нашли своё отражение в докладах на всероссийских научных и научно-методических конференциях, семинарах и совещаниях. Это I и II всероссийские научно-методические семинары «Диалектное словообразование, морфемика и морфонология» (Санкт-Петербург, 2007; Вологда, 2008), координационные совещания «Лексический атлас русских народных говоров» (Санкт-Петербург, 2006, 2007, 2008, 2009), научно-практические конференции филологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург, 2006, 2007). Наиболее значимые выводы исследования были представлены в докладах на международных научных конференциях «Язык и мир», «Межкультурные коммуникации: стратегии обучения языкам» и на I Крымском лингвистическом конгрессе (Украина, 2007; 2009), а также были предметом научной дискуссии в рамках летней школы «New York Institute. Summer linguistic school» (Санкт-Петербург, 2009). Работа была отмечена грантами для молодых исследователей Вологодской области (2007, 2009), финансировалась по гранту РГНФ (проект № 04-04-00284а «Морфемика и словообразование вологодских говоров»). По результатам диссертационного исследования опубликовано семь работ.

Структура работы. В диссертацию входят введение, две главы, заключение, списки сокращений, источников, используемой литературы, а также приложение в виде алфавитного списка слов, анализируемых в работе, и списка информантов, фрагменты речи которых иллюстрируют отдельные её положения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется актуальность диссертационного исследования, формулируются цели и задачи работы, называются предмет и объект анализа, представляются положения, выносимые на защиту, определяется методологическая основа диссертации, обозначаются её научная новизна и практическая ценность, характеризуются основные и сопоставительные источники фактического материала.

В первой главе работы «Проблемы изучения собирательных имён существительных и их структуры в современном русском языке и его территориальных диалектах» рассматриваются дискуссионные вопросы анализа собирательных имён существительных. Глава включает в себя два параграфа.

В первом параграфе «Собирательные имена существительные и их структура как объект исследования в русской грамматической традиции» характеризуются проблемы изучения состава и структуры собирательных имён существительных в современном русском языке, а также описывается динамика структурной организации основ собирательных имён существительных в истории русского языка.

В первом разделе параграфа собирательность рассматривается в контексте лексико-грамматических свойств имени существительного, выделяются те его специфические свойства, которые находят отражение в морфемной структуре основ собирательных имён существительных, комментируется история описания данной группы слов в русской грамматической традиции, а также структурируется лексико-грамматическое поле собирательности как основа определения состава собирательных имён существительных.

Имена существительные со значением нерасчленённой множественности достаточно давно исследуются в отечественной грамматике [Ломоносов, 1952; Востоков, 1835; Аксаков, 1880; Шахматов, 1941; Виноградов, 1947; Щерба, 1957; др.]. Вместе с тем лексический состав слов данного лексико-грамматического разряда, особенности их семантики и грамматических свойств до сих пор являются предметом научной дискуссии. Представить всё многообразие собирательных имён существительных в русском языке с точки зрения их семантической организации, морфемной структуры, словообразовательной специфики, морфологической природы и синтаксического своеобразия позволяет концепция лингвистического поля собирательности в русском языке, разработанная в исследованиях А. В. Бондарко [Бондарко, 1983], О. О. Лешковой [Лешкова, 1984], И. А. Высоцкой [Высоцкая, 2002], С. В. Иконниковой [Иконникова, 2007], С. Я. Гехтляр и М. А. Бирюковой [Гехтляр, Бирюкова, 2009] и др. Природу поля собирательности учёные определяют по-разному. Так, А. В. Бондарко предлагает функционально-

семантическое поле собирательности, в рамках которого значение нерасчленённой множественности объектов может быть выражено словами различных частей речи (*молодёжь, двое, оба* и пр.), С. В. Иконникова и О. О. Лешкова конкретизируют, каким образом собирательность может быть эксплицирована ресурсами семантической, морфемной, словообразовательной и морфологической структуры слова. В работах И. А. Высоцкой рассматриваются различные средства выражения собирательности в пределах имени существительного, её модель поля собирательности можно определить как лексико-грамматическую: основу структурирования поля составляет семантика нерасчленённой множественности объектов, а наполнение отдельных зон поля определяется лексико-грамматическими свойствами имён существительных (*ворьё, березник, толпа, многомиллионный зритель* и пр.). Н. М. Шанский, Г. И. Миськевич [Шанский, 1964; Миськевич, 1970] и ряд других исследователей описывают собирательность как словообразовательную категорию, в которой значение нерасчленённой множественности, совокупности объектов выражается системой общерусских словообразовательных типов: *мужичь[jo]*, *лепнина, учительство, директорат, аристократия[ja]* и др. Если рассматривать словообразовательную категорию собирательности с точки зрения концепции лингвистического поля, то ядром данного поля можно считать словообразовательные типы с собственно собирательным значением (-j-), ближайшей периферией – типы словообразования, форманты которых совмещают значение собирательности с другими словообразовательными значениями, например единичности (-ин-), локальности (-ник-), абстрактности (-ость-) и пр.

Полевая модель собирательности позволяет учесть самые разнообразные особенности этих слов: специфику лексической семантики, морфемной и словообразовательной структуры, морфологической парадигматики и синтаксических связей. Эти признаки свойственны системе русского языка в целом, вместе с тем лексический состав поля и его структурная организация могут видоизменяться в зависимости от той или иной функциональной разновидности национального языка (литературный язык – территориальные диалекты).

Предметом исследования нашей работы является морфемная структура основ диалектных собирательных имён существительных, поэтому мы анализируем только те слова, которые в своей морфемной структуре реализуют значение нерасчленённой множественности. В первую очередь это слова ядерной зоны поля собирательности, типичные собирательные *singularia tantum* (*батошьё, громадьё, дарьё, дубьё, девьё* и пр.), слова, у которых значение нерасчленённой множественности совмещено с другими типами значений (*дрови'на, евши'нник, мянда'к* и др.); лексические собирательные с непроизводными, преимущественно нечленимыми основами (*та'йбола, гу'ня, гад, гнус* и пр.), а также периферийные собирательные *pluralia tantum* (вещественно-собирательные: *очёски, опи'лки, оскропо'тки* и пр.). Именно в таких словах собирательность маркируется не только в контексте, не только в сочетаемости с грамматическими формами, не только в области морфологической парадигматики, но, в первую очередь, в морфемной структуре основ. Анализ таких основ позволит определить их региональную специфику на фоне общерусских закономерностей морфемной структуры.

Система морфемных средств выражения собирательности в русском языке характеризуется временной, территориальной и функциональной динамикой. Второй раздел параграфа посвящён вопросам временной динамики морфемных компонентов основ собирательных существительных.

«Типичные» собирательные имена существительные характеризуются преимущественно суффиксально-корневой основой. Анализ работ по историческому словообразованию собирательных существительных в русском языке [Попова, 1955; Еселевич, 1979; Азарх, 1984; Дяттерёв, 2007; др.] позволил определить основные лексико-семантические объединения собирательных имён существительных, установить лексико-грамматическую отнесенность корневых морфем, выявить систему суффиксальных средств выражения собирательности и охарактеризовать специфику их продуктивности в различные периоды развития словообразовательной системы русского языка.

Состав корневых морфем собирательных существительных эволюционировал от собственно предметных корней (*княжия, гвоздь, овощи* и др.) [Попова, 1955:8] в сторону расширения корневого фонда за счёт включения в их состав признаковых и процессуальных корней: *огребе, вязье, гниль, бельё* и др. [Еселевич, 1979; Азарх 1984; Дяттерёв, 2007]. Во многом этому способствовала продуктивность суффикса *-j-*, основного средства выражения собирательности в русском языке, продуктивность которого стала особенно заметной в XV – XVII вв.

В древнерусском языке, по свидетельству М. Л. Поповой, И. Э. Еселевич, Ю. С. Азарх, В. И. Дяттерёва и других учёных, уже сформировалась система аффиксальных средств выражения собирательности. Материалы древнерусского языка XI – XVIII вв. позволяют выделить следующие суффиксальные морфы, служащие для выражения значения собирательного множества: *-j-, -ник-, -няк- // -няг-, -ин-, -ьств-о, -от-, -ьб/а* и некоторые другие. Все суффиксы, за исключением *-j-*, имеют сложную семантическую структуру. Так, одним из аффиксов, выражающих значение собирательной множественности, является суффикс *-ин-*: *дрови'на, лотони'на, гу'бина, сухопосто'ина, льни'на* и т. д. В структуре основ современных собирательных существительных этот формант может совмещать значения единичности и собирательности, например: *дрови'на* – ‘1. полено. 2. собир. дрова’ (СВГ, I: 56). Такая противоречивость, по мнению В. И. Дяттерева, является вполне закономерной, что объясняется первоначальным значением этого форманта (ещё в праславянскую эпоху **-in-* передавал значения ‘выделенности из множества, единичности, собирательности, увеличительности и пейоративности, уменьшительности’). Эти значения унаследовали и собирательные древнерусского языка. Данная синкретичность представлена и современных вологодских говорах. Чтобы преодолеть эту семантическую неоднозначность, наряду с дериватами на *-ин/а* в древнерусском языке стали образовываться параллельные производные с собирательным значением: *валежина* – *валежник, деревина* – *дере[в'-j-о]* и пр. [Дяттерёв, 2007: 123].

В истории русского языка отмечена ещё одна характерная особенность морфемной структуры основ собирательных имён существительных – тенденция к аффиксальной репрезентации собирательного значения: *людство* (людь), *одежде* (одежда), *посуде* (посуда), *хворостье* (хворост), *хляме* (хлам), *борие* (бор) и

пр. [Попова, 1955; Еселевич, 1979; Азарх, 1977], интерпретируемая как «ослабление собирательного значения у непроеизводных слов» [Еселевич, 1979: 61], как «усиление модификационного значения» собирательности [Азарх, 1977: 207], свидетельствующая «о влиянии тенденции к аффиксальной закреплённости собирательного значения, специализации в этом отношении ряда аффиксальных морфем» [Романовская, 1972: 18].

Учёт данных исторического словообразования необходим при анализе диалектных слов вследствие того, что в морфемной структуре диалектного слова могут быть представлены явления более архаичные, чем в структуре слов литературного языка. Результаты этого развития неодинаково проявлялись в различных территориальных вариантах русского национального языка.

Содержание второго параграфа «Собирательные имена существительные и их структурная организация в русских территориальных диалектах: проблемы и принципы описания» позволяет определить особенности сбора, интерпретации и анализа собирательных имён существительных в русских народных говорах, конкретизирует проблемы изучения морфемной структуры основ диалектных собирательных имён существительных в современных вологодских говорах. Параграф состоит из трёх разделов.

Первый раздел параграфа рассматривает проблемы изучения собирательных имён существительных в контексте описательной диалектологии. В этом разделе комментируется специфика дифференцированного и недифференцированного подходов к анализу диалектного слова, определяются структурно-семантические и тематические основания сбора и интерпретации собирательных имён существительных в современных вологодских говорах. В первую очередь, мы обращали внимание на территориально ограниченные в употреблении слова. Вместе с тем в поле зрения собирателя попала достаточно многочисленная группа и общерусских собирательных, функционирующих в вологодских говорах. Поэтому наш подход к сбору, классификации и анализу собирательных имён существительных в вологодских говорах было бы справедливо назвать переходным от собственно дифференцированного к недифференцированному.

Структурно-семантическим основанием сбора лексики вологодских говоров явились общерусские словообразовательные типы, реализующие общее словообразовательное значение совокупной множественности предметов. В процессе беседы с информантами оказалось продуктивным чередование вопросов, предполагающих, с одной стороны, актуализацию производящей базы и компонентов словообразовательного значения (*Растут берёзы, а если они вместе и их много?*), а с другой стороны, выявление производного слова и выведение его словообразовательного значения (*Березник – он из чего? как он растёт? а что это такое?*).

Тематическим основанием сбора лексики вологодских говоров явился анализ тематических групп лексики, актуальных для вербализации предметов и явлений природы, крестьянского быта, народных промыслов и традиционной духовной культуры. Систематизировав данные вопросника ЛАРНГ [ЛАРНГ: пробный выпуск, 2005], наиболее полно охватывающего данные тематические сферы, мы выделили шесть основных семантических групп собирательных имён существи-

тельных в русских народных говорах. Это совокупности лиц (*бабьё, ребятя, деверьё*), совокупности частей тела человека: (*волосьё, зубьё*), совокупности животных (*карасьё, скоти'на, жи'вность*), совокупности растений (*сосня'г, мянда'ч, бруньё, губина*), совокупности предметов быта (*коробьё, гвоздьё*), совокупности предметов одежды, обуви (*буньё, ри'буша, скру'та, име'нье*) и др.

В беседе с информантами оказалось целесообразным чередовать различные виды вопросов: индуктивный, построенный на структурно-семантической актуализации производящей базы: *Старые тряпки, одежда худая – это одним словом как назовут?* – и дедуктивный, т.е. комментирование зафиксированного в речи слова с позиций его структурно-семантического содержания: *Олешня'к – это слово что значит? Ольхи – это какие деревья? Олешня'к – так они как растут?*

Сбор собирательных имён существительных осуществлялся нами в процессе направленной беседы с сельскими жителями центральных и восточных районов Вологодской области. Нами опрошено около двадцати информантов в возрасте от 50 до 90 лет. Зафиксированные в их речи собирательные имена существительные наряду с материалами «Словаря вологодских говоров» анализируются во второй части работы. Описание их семантики и структурной организации позволяет более полно охарактеризовать специфику морфемной структуры слова в вологодских говорах.

Второй раздел параграфа посвящён истории картографирования собирательных имён существительных. Первые опыты картографирования слов данной структурно-семантической группы представлены в «Общеславянском лингвистическом атласе» [ОЛА, I: карта №1]. Наиболее часто внимание картографов привлекают собирательные существительные с суффиксом *-я-*, относящиеся к наиболее архаичной для данной группы слов словообразовательной модели, генетически связанной с аффиксальной репрезентацией числовых противопоставлений [ДАРЯ, II: карта № 34]. Следующим шагом в лингвогеографической интерпретации собирательных существительных стала карта Ю. С. Азарх «Модели названий однородного множества растущих деревьев» [Азарх, 2000]. Как и в литературном языке, наибольшую активность при образовании дериватов со значением «совокупного множества растущих вместе деревьев» имеют суффиксы: *-ник-, -няк-, -ак-, -яг-*. На территории распространения севернорусских говоров отмечаются образования с суффиксальными морфами: *-ник-* (*березни'к*), *-няг-* (*олешня'г*), *-няк-* (*олешня'к*), что, в частности, подтверждается и примерами из «Словаря вологодских говоров»: *оле'шник, вицня'г, тихтя'к*.

В настоящее время собирательные имена существительные исследуются по программе «Лексического атласа русских народных говоров» [ЛЯРНГ: пробный выпуск, 2005: карты № 10, 19, 26 и др.]. Структура основ собирательных имён существительных представлена в картах ЛЯРНГ сразу с нескольких сторон. Так, карта № 10 посвящена описанию именовании редкого леса. Анализ карты позволяет выявить инвентарь корневых морфем, объективирующих существенный ономастологический признак (*-ред-* // *-ред'-* // *-реж-*; *-жид-* // *-жид'-*; *-лес-* // *-лес'-*), показывает состав аффиксальных морфем в структуре слов исследуемой группы (суффиксы *-ник-, -няк-, -ин-, -енец-, -ыш-, -ак-, -ель-, -ашк-, -я-, -к-*; префиксы *по-, про-, об-* и др.), обнаруживает наиболее типичные способы и типы

образования собирательных существительных: суффиксация (*редьё, ре'женец*), конфиксация (*oble'сье, по'редь*), сложение основ с суффиксацией (*редколе'сица, редколе'сье*), демонстрирует случаи словообразовательной синонимии (*жи'дель, жи'дник, жидня'к*) и вариантности (возм., *по'ред, по'редь*). Подобное строение карты позволяет отобразить распределение словообразовательных морфем, представить диалектные различия в выборе того или иного мотивационного признака при номинации собирательных существительных, выявить уровни противопоставления, которые образуют инварианты лексем, различающихся словообразовательными средствами.

Собирательные имена существительные в вологодских говорах до сих пор не были самостоятельным объектом лингвогеографической интерпретации и попадали в поле зрения картографов только при решении более общих задач. Вместе с тем ряд явлений структурной организации основ собирательных имён существительных, как показывают осуществлённые ранее наблюдения, обнаруживает отчётливые территориальные особенности. Это диалектные корни, а также локально ограниченный суффиксальный морф *-няг-*. Описание ареальной дистрибуции данных морфем представлено во втором параграфе следующей главы нашей диссертации.

Третий раздел параграфа представляет собирательные имена существительные как объект исследований по когнитивной диалектологии. В этой части работы рассматривается понятие *языковой картины мира* [Апресян, 1995; Арутюнова, 1978; др.; Вежибская, 2001; Кубрякова, 2004; Маслова, 2006; Стернин, Попова, 2003; Яковлева, 1994; др.], характеризуются основные подходы к её описанию в современной диалектологии [Букринская, Кармакова, 1998; Вендина, 1998; Демидова, 2007; др.], перечисляются её региональные черты. *Диалектная языковая картина мира* отличается *естественным характером*, поскольку она не обременена проблемами кодификации, складывается в достаточно замкнутом языковом коллективе и отражает специфику проживания, бытового уклада и традиционной культуры данного коллектива. Диалектной картине мира, с одной стороны, свойственна *традиционность* [Букринская, Кармакова, 1998: 5], а с другой – *большая свобода в вербализации* предметов и явлений окружающего мира [Радченко, Закуткина, 2004: 25]. Кроме того, сельской картине мира, по мнению учёных, свойственны *парцеллирование* объектов познания, *антропо-* и отчасти *эгоцентризм*, склонность к *изолирующей номинации* объектов, а также особая *эмоциональная окрашенность*, склонность к *преувеличению, грубовато-фамильярным оценкам* в речи [там же: 30 – 45].

Собирательные имена существительные до сих пор мало попадали в поле зрения исследователей диалектной языковой картины мира. Анализ функционирования этих слов показывает, какие совокупности предметов могут быть интерпретированы как определённая ценность в диалектной языковой картине мира. Во-первых, это нерасчленённые множества людей: народ, племя, этнос, а также семья в её кровных и свойственных связях: *«В кумовья'х не быть – и пива не пить»* [Даль, 1998, 2: 151], *«Есть вашей бра'ты в коротком платье»* [Даль, 1998, 3: 141], в том числе и совокупность детей: *«Кубарики-кубаришки, малые ребяти'шки»* [Даль, 1998, 2: 131]. Во-вторых, это совокупность животных: либо домашних, вос-

принимаемых как важнейшая часть крестьянского хозяйства: «*Скоти'ну гладь не рукой, а мукой*» [Даль, 1998, 3: 620], либо диких, преимущественно мелких, представляемых как единое целое: «*Мураши' в доме – к счастью*» [Даль, 3: 359]. В-третьих, это множество различного рода неодушевлённых объектов: совокупностей деревьев («*Всякая сосна своему бору' шумит*» [Даль, 1: 119], мусора, бесполезных вещей («*Чтоб ты разорвало, что б тебя пополам да в чере'пья*» [Даль, 1998: 211], «*Нашему Макарке всё ога'рки!*» [Даль, 1998, 3: 453]) и пр.

Отдельную проблему составляет изучение когнитивного потенциала производного слова, вторичного по форме и по семантике лингвистического знака, анализ которого «позволит не только определить сферу действия словообразовательных процессов, но и выявить, что в нем обозначается, что привлекает внимание носителей языка (т.е. тем самым выявить принципы номинации основных понятий языковой картины мира)» [Вендина, 1998: 14]. Изучение когнитивного потенциала производных слов, по мнению Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1981], сходно с изучением синтаксических структур, так как обладает «свёрнутой предикативностью» – способностью одновременно к номинации объекта и характеристике его существенных признаков. Описание структуры производного слова как средства вербализации языковой картины мира даёт возможность, во-первых, определить состав значимых объектов, а во-вторых, круг оценок, актуальных для их осмысления в языковом сознании. Принимая во внимание положение о «свёрнутой предикативности» производного слова (в нашем случае – преимущественно имеющего суффиксально маркированную основу), мы, в первую очередь, обращаем внимание на состав корневой части основ собирательных существительных. Её анализ позволит нам реконструировать состав объектов, восприятие которых предполагает актуализацию представления о нерасчленённой множественности (*деверьё, мянда'ч*), выделить состав признаков, которыми способны обладать собирательные множества предметов (*холостёжь, редня'к*), и, наконец, выделить набор действий, типичных для мировосприятия сельских жителей в соотношении с идеей формирования нерасчленённого множества (*ломё, чалы'га*).

Вторая глава «Морфемная структура основ диалектных собирательных имён существительных: структурно-семантический, территориальный и когнитивный аспекты» представляет основные результаты диссертационного исследования. Глава состоит из трёх параграфов, в каждом из которых реализуется один из аспектов исследования морфемной структуры основ собирательных имён существительных: структурно-семантический, территориальный и когнитивный.

Первый параграф «Морфемная структура основ диалектных собирательных имён существительных в структурно-семантическом аспекте» включает в себя три раздела.

В первом разделе характеризуются комбинаторные типы основ собирательных имён существительных. Основы всех слов данной группы относятся к пятнадцати основным комбинаторным типам одноморфемных (R: гу'н/я 'верхняя рабочая одежда' [СВГ, 1: 136]), двухморфемных (PrR: ро'с/сошь 'низкий кривоствольный лес, растущий на влажных местах' [СВГ, 9: 66]; RS: кожы/[j/o] 'невы-

деланные шкуры животных' [СВГ, 3: 76]), трёхморфемных (PrRS: *о/куть/л/о*) 'верхняя одежда' [СВГ, 6: 50]; RSS: *тетер/евь/л/о* 'тетереvy' [СВГ, 11: 22]; RiR: *сух/о/бо'р* 'лес на сухом, возвышенном месте' [СВГ, 10: 165]; RRS: *трях/му'дь/л/э* 'негодные вещи, хлам, рухлядь' [СВГ, 11: 65]), четырёхморфемных (PrPrRS: *вы'/с/кырь/л/э*) 'вывороченные с корнем деревья' [СВГ, 1: 99]; PrRSS: *о/них/а'/нь/л/э* 'отходы при молотье, мякина' [СВГ, 6: 54]; RSSS: *мел/уз/и'нь/л/э* 'разнообразный мелкий товар' [СВГ, 4: 81]; RiRS: *мал/о/по'сь/л/э* 'маленькие дети' [СВГ, 4: 70]; RiPrR: *сух/о/под/сто'и* 'высохшие на корню деревья, кустарники' [СВГ, 10: 166]), пятиморфемных (PrRSSS: *о/пён/оч/и/ик* 'опята' [СВГ, 6: 59]; RSiRS: *ред/к/о/ле'с/иц/а* 'редкий, не густой лес' [СВГ, 9: 47]) и шестиморфемных (RiPrRSS: *сух/о/под/сто'и/и/ик* 'высохшие на корню деревья, кустарники' [СВГ, 10: 127]) основ.

Каждый комбинаторный тип описан в диссертации в следующем порядке:

а) тип основы по составу морфем (например, RS: *бато'жь/л/о* 'палки' [СВГ, 1: 24], *льн/и'н/а* 'стебли льна' [СВГ, 4: 59], *мянд/а'к* 'лес, растущий на болоте' [СВГ, 5: 17] и др.);

б) частные комбинаторные модели внутри типа (например, R/ин/а: *дров/и'н/а* 'дрова' [СВГ, 2: 56], *пресн/и'н/а* 'молодые деревья с неокрепшей, неплотной, непрочной древесиной, а также строительный материал из таких деревьев' [СВГ, 8: 36] и др.);

в) модели основ в зависимости от характера их словообразовательной структуры (например, отсубстантивные производные: *дрова* – *дров/и'н/а* 'нерасчленённая совокупность предметов, названная мотивирующим существительным' – и отадективные производные: *пресный* – *пресн/и'н/а* 'нерасчленённая совокупность предметов, обладающих признаком, названным мотивирующим прилагательным');

г) комментарий основ с затемнённой морфемной структурой (основы неполной степени членимости, случаи множественной мотивации морфемной структуры и пр.): например, *вал'ёжин/а* 'валежник' [СВГ, 1: 55] – ср.: *валить*, но *валёж (в вологодских говорах слово *валёж* не зафиксировано, но оно отмечено без указания территории в «Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля в значении 'павальная болезнь' [Даль, 1: 162]).

Описание комбинаторных типов основ диалектных собирательных имён существительных в современных вологодских говорах показало, что наряду с продуктивными общерусскими суффиксами собирательности, функционирующими в сфере отсубстантивного, отадективного и отглагольного словообразования (-*ж*: *брунь/л/о* 'колосья злаковых растений, преимущественно овса' [СВГ, 1: 45] – ср.: *брунь* 'колос у овса' [СВГ, 1: 45]); *мыть/л/о* 'выстиранное бельё' [СВГ, 5: 13] – ср.: *мыть*, *тонь/л/о* 'тонкие высокие деревья' [СВГ, 11: 39] – ср.: *тонкий* и др.; -*ин*: *гу'б/ин/а* 'съедобные грибы' [СВГ, 1: 133] – ср.: *губа* 'общее название всяких грибов' [СВГ, 1: 133]; *ря'б/ин/а* 'пигментные пятна на лице' [СВГ, 9: 78] – ср.: *рябой*, *на/сто'и/н/а* 'засохшие на корню деревья, сухостой' [СВГ, 5: 74] – ср.: *настоять(ся)*; -*ак*: *мянд/а'к* 'лес, растущий на болоте' – ср.: *мянда* 'сосна' [СВГ, 5: 16 – 17], *ровн/я'к* 'стройные, прямые деревья одинаковой высоты, а также лес из таких деревьев' [СВГ, 9: 59] – ср.: *ровный*, *за/рубл/я'к* 'лес, предназначенный

для вырубки' [СВГ, 2: 147] – ср.: *зарубить* и др.), в структуре основ диалектных собирательных существительных представлены и менее продуктивные суффиксы, репрезентирующие значение собирательности в сочетании с другими словообразовательными значениями: *молод'я'з/а* 'молодёжь' [СВГ, 4: 89], *гал'я'д/а* 'дети' [СВГ, 1: 109], *е'льн/ев/о* 'ельник' [СВГ, 2: 73], *мал'ет/а'* 'маленькие дети, малыши' [СВГ, 4: 69], *челяд/н/я'* 'дети, ребята' [СВГ, 12: 28], *чащ/о'б/а* 'густой, непроходимый еловый лес' [СВГ, 12: 23], *чап/у'з/а*, *чап/ы'з/а* 'густой, непроходимый лес' [СВГ, 12: 17] и др.). В целом комбинаторика морфем в структуре основ собирательных имён существительных в современных вологодских говорах представляется более разнообразной, чем в литературном языке: об этом свидетельствует более обширная дистрибуция общерусских корней (*тоны*/[j/o] 'тонкие высокие деревья' [СВГ, 11: 39] – ср.: *-тон-* (*тонкий* и др.) [СМ: 352]; *лепест/е'нь*/[j/э] 'лоскутки, куски (ткани, кожи, обоев)' [СВГ, 4: 36] – ср.: *-лепест-* (*лепесток* и др.) [СМ: 184]), сочетаемость в основе диалектного слова двух и более морфем, репрезентирующих значение собирательности: *лот/о'нь*/[j/ь] 'одежда, бельё // старое бельё, тряпки' [СВГ, 4: 51] – ср.: *лата'ть*, *ла'тань* 'одежда, бельё' [СВГ, 4: 32]; *молод'ёж/ник*, *молод'я'ж/ник* 'молодёжь' [СВГ, 4: 88 – 90], *чап/у'ж/ник*, *чап/ы'ж/ник*, *чап/ар/ыж/ник* 'густой, непроходимый лес' [СВГ, 12: 18] – ср.: *ча'пать* 'передвигаться, медленно идти' [СВГ, 12: 16]); *чапу'га*, *чапы'га*, *чапарыга* 'густой, непроходимый лес' [СВГ, 12: 16 – 18] и др.

Второй раздел параграфа посвящён описанию типологии корневых и аффиксальных морфем в основах собирательных имён существительных.

Корневые морфемы в этих основах служат средством выражения предметной (*карасьё* 'караси' [СВГ, 3: 39] – ср.: *карась*, *пальто'вье* 'пальто' [СВГ, 7: 12] – ср.: *пальто* и др.), признаковой (*глушин'га* 'берёзовый лес' [СВГ, 1: 113] – ср.: *глухой*, *худьё* 'ненужные вещи, хлам' [СВГ, 11: 216] – ср.: *худой* и др.), процессуальной (*гал'яда* 'дети' [СВГ, 1: 109] – ср.: *га'лить* 'врать', *га'литься* 'веселиться' [СВГ, 1: 108], *мотовьё* 'мотки льняной пряжи, ниток' [СВГ, 5: 7] – ср.: *мотать*) и др. семантики. Преимущественно это свободные общерусские корни (*валёжина* – ср.: *валить*, *валять*), специфика функционирования которых определяется более широким, чем в литературном языке, диапазоном формального и семантического варьирования: *евш/ин/а*, *елх/ов/ник*, *олеш/няк*, *лоншак* и др. 'заросли ольхи' [СВГ, 2: 70 – 73; 6: 52 – 53]. На их фоне достаточно чётко определяется состав общерусских связанных корней (*-кам-*: *ка'мешник*, *каме'нье*; *-лепест-*: *лепесте'нье*, *-лоп-*: *ло'поть*, *-пал-*: *па'лочник*, *-пес-*: *пескарё*, *-ремь-*: *ремьё*, *-ред-*: *редколе'сица*, *редни'на*, *редьё*; *-тон-*: *тонколе'сица*; *-тряп-*: *тряпьё*, *тряпите'нье*, *тряпоте'нье* и др.), а также диалектных корней различной локализации: *гуны*/[j/o] 'бельё; старая поношенная одежда' [СВГ, 1: 136], *мянд/а'к* 'лес, растущий на болоте' [СВГ, 5: 16], *му'ега*, *му'дега* 'мошка, мошкара' [СВГ, 5: 9] и др.

Все аффиксальные морфемы собирательных основ относятся к общерусскому морфемному фонду: это локально не ограниченные в употреблении префиксы (*вы'/с/кырё*, *зарубля'к*, *здарё*, *изло'м*, *насто'ина*, *оку'тка*, *обдёрник*, *покры'тие*, *подсосёнок*, *приборе'на*, *сбо'рик*, *суземье*, *узо'рье* [СМ: 1125]), интерфиксы (*сухобо'р*, *сухоподсто'й*, *тонколе'сье* и др.), а также многочисленные суффиксы. Эти суффиксы рассматриваются в контексте диалектной аффиксальной парадиг-

мы, объединяющей слова с одноструктурными основами. Анализ их морфемной структуры позволяет охарактеризовать специфику дистрибуции морфем в составе основ различных комбинаторных типов (*тетер/евь/[j/o]*, *о/них/а/нь/[j/э]*, *тон/к/о/ле'сь/[j/э]* и др.), определить формальные границы суффиксов (*мот/о'вь/[j/o]* 'мотки льняной пряжи, ниток' [СВГ, 5: 6], *по'млень/[j/ь]* 'различные воспоминания, то, что сохранилось в памяти' [СВГ, 7: 152], *отух/а'нь/[j/ь]* 'отходы при молотье, мякина' [СВГ, 6: 54] и др.), конкретизировать семантику суффиксов, выполняющих словообразовательную функцию в сфере отсубстантивного (*леде'нь/[jэ]* '1. град, 2. сосульки' [СВГ, 4: 34] – ср.: *ле'день* 'льдинка' [там же], *лопоть/[jо]* 'одежда, бельё' [СВГ, 4: 50] – ср.: *ло'поть* 'одежда, бельё' [СВГ, 4: 49] и др.), отаггективного (*маль/[jо]* '1. маленькие дети, малыши; 2. мелкая рыба' [СВГ, 4: 70] – ср. *малый, тонь/[jо]* 'тонкие высокие деревья' [СВГ, 11: 39] – ср.: *тонкий* и др.) и отглагольного (*ломь/[jо]* 'высокие сорняки с толстыми стеблями' [СВГ, 4: 46] – ср.: *ломать / ломить; мыть/[jо]* 'выстиранное бельё' [СВГ, 5: 13] – ср.: *мыть* и др.) словообразования, прокомментировать случаи фонематического варьирования морфем и основ: *тряпите'нь/[jь]*, *тряпоте'нь/[jь]* 'негодные старые вещи, хлам, рухлядь' [СВГ, 11: 64; 67], *лотонь/[jэ]*, *лототонь/[jэ]* 'тряпье' [СВГ, 4: 51] и др.

Диалектная специфика функционирования общерусских суффиксов в основах диалектных собирательных имён существительных проявляется в том, что они способны сочетаться с общерусскими и диалектными корнями (*ломь/[jо]* 'высокие сорняки с толстыми стеблями' [СВГ, 4: 46], *локась/[jо]* 'рослая, здоровая, но ленивая молодёжь' [СВГ, 4: 44]), характеризуются широким диапазоном формального варьирования (*молодѣжник, молодя'жник, молодя'га* 'молодёжь' [СВГ, 4: 89 – 90]), включаются в более разнообразные, чем в литературном языке, синонимические ряды: *оле'шки, оле'шник, олешня'к, олешня'г, олешу'га, евши'на*, и др. 'заросли ольхи' [СВГ, 2: 70; 5: 52].

Третий раздел параграфа рассматривает семантические отношения морфем в структуре основ диалектных собирательных имён существительных. Семантическим центром, относительно которого классифицируется семантика морфем, уместно считать те компоненты основы, которые репрезентируют значение собирательной множественности (в первую очередь, это суффиксы собирательности). Отношения семантического согласования морфем будут обнаруживаться в основах отсубстантивных производных: это либо *гипосемия* морфем, выражающих, с одной стороны, значение предметности, а с другой – совокупности предметов (*батожьѣ, гвоздьѣ, горо'ховина, мянда'ч, ты'шник* и др.), либо *гиперсемия* собирательных аффиксов с корнями, в семантике которых уже присутствует значение нерасчленённой множественности (*буньѣ* – ср.: *бун'я, дровьѣ* – ср.: *дрова, косма'ч* – ср.: *ко'смы, челяди'на, челядня'*, *челядо'ха* – ср.: *че'лядь* и др.). Семантическую разнородность (*гетеросемию*) корней с суффиксами собирательности реализуют корни признаковой и процессуальной семантики. В этих случаях суффиксы реализуют словообразовательную семантику «совокупность предметов, обладающих признаком, названным мотивирующим прилагательным» (*молодѣжник, молодѣжь, молодя'га* – ср.: *молодо'й, сухня'к, суши'на, сушня'к, сушьѣ* – ср.: *сухой* и др.) или «совокупность предметов, как результат действия, названного мотиви-

рующим глаголом» (*мото'вьё* – ср.: *мота'ть*, *омя'лье* – ср.: *мять*, *су'колотье* – ср.: *колоти'ть* и др.).

Семантические отношения суффиксов собирательности с другими аффиксами основы зависят от типа аффикса (префикс, суффикс) и его функциональных характеристик (позиции, выполняемой функции, сферы употребления и пр.).

Семантика префиксов основ собирательных существительных преимущественно наследуется от начальных ступеней производности слова и уже поэтому гетерогенна по отношению к семантике суффикса собирательности. Префикс здесь находится в сигнификативно слабой позиции. Чаще всего префиксы реализуют фоновую семантику слова, связанную с аспектуальной характеристикой предшествующего действия: *зарубля'к* – ср.: *зарубить* 'закончить действие, названное мотивирующим глаголом *рубить*', *обдёр'ник* – ср.: *ободрать* 'закончить действие, названное мотивирующим глаголом *драть*, выполняя его со всех сторон пространственного ориентира'; *сбо'рик* – ср.: *собрать* 'закончить действие, названное мотивирующим глаголом *брать*, соединив вокруг пространственного ориентира', и др. В таких случаях семантика аффикса собирательности уже соотносится со всем аффиксально-корневым комплексом основы, унаследованным от производящего глагола: *насто'ина* – *настоя'ться* и др.

Интерпретация семантических отношений суффиксов собирательности с другими суффиксами субстантивных основ составляет наиболее сложную проблему их морфемного анализа. Контактное расположение суффиксов в посткорневой части словоформы, их многофункциональность и семантическая размытость во многих случаях не позволяют определить не только характер семантических отношений этих морфем с аффиксами собирательности, но и определить расположение морфемных швов.

Наиболее чётко морфемные границы определяются в том случае, если суффикс собирательности как наиболее сильный в семантическом отношении суффикс занимает **прикорневое** положение, а семантика собирательного слова модифицируется другими субстантивными суффиксами, преимущественно со значениями уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности и пр.: *зу'б/ин'к/а* 'всякие грибы' [СВГ, 1: 133] – ср.: *з'убина* 'общее название всяких грибов' [там же]; *лоп'от/ён'к/а* 'одежда, бельё' [СВГ, 4: 49] – ср.: *ло'поть* в том же значении [там же]; *сосн'яж'о'к* 'молодой сосновый лес' [СВГ, 10: 86] – ср.: *сосня'г* и др. Если суффикс собирательности является **конечным** формантом основы, то в этом случае определению границ в суффиксальной части способствуют очевидная гетерогенность семантики её компонентов и приуроченность каждого из них к сфере словообразования от разных частей речи: *суш'и'н'ник* 'высохшие на корню деревья, кустарники' [СВГ, 10: 169] – ср.: *суши'на* 'высохшее на корню дерево' [СВГ, 10: 169], *сухой*; *сосн'о'в'лец* 'сосновый лес' [СВГ, 10: 86] – ср.: *сосновый*, *сосна* и др. Семантическую позицию прикорневых суффиксов затемняет также гетерогенность суффиксов субстантивного словообразования: *лед'е'нь/[j'ь]* '1. град, 2. сосульки' [СВГ, 4: 34] – ср.: *ле'день* 'льдинка' [там же], *шип'и'ч'ня'к* 'заросли шиповника' [СВГ, 12: 91] – ср.: *шпи'ца* 'шиповник' [СВГ, 12: 90] и др.

Таким образом, структурно-семантическое описание морфемной структуры основ диалектных собирательных имён существительных в вологодских говорах по-

зволило конкретизировать представления о соотношении общерусских закономерностей и региональных особенностей их структурной организации.

1. В области морфемной комбинаторики основ собирательных существительных проявляются такие их специфические черты, как большее разнообразие моделей, особенно с одноимёнными аффиксами: это, например, полипрефиксальные основы (*вы'скыр'ё*), в том числе и с архаическими префиксами (*ош'е́мки*), полисуффиксальные основы высокой ступени производности (*молод'ёж'ник*, *мелузи'нь[jə]* и др.).

2. В сфере анализа фонемного состава, семантики и дистрибуции морфем данных основ обнаружилось системные закономерности их строения: сочетание в основе аффиксов собирательности (*-j-*, *-ин-*, *-ник-* и др.) с предметными, признаковыми и процессуальными корнями определённой семантики. Как корневые, так и аффиксальные морфемы в структуре основ диалектного слова склонны к неморфонологическому варьированию фонемного состава (*ивня'г* – *ильня'к*, *евши'на* – *ельши'на* и др.), в том числе к варьированию фонематических комплексов без учёта в их составе морфемных границ (*олешня'к*, *ольшня'к*, *лонша'к* и др.), что приводит к затемнению внутренней формы слова, ослаблению членимости его основы.

3. Пересечение в семантике морфем диалектных собирательных значений нерасчленённой множественности с другими лексическими и лексикограмматическими значениями во многих случаях препятствует членению основ. К диалектным чертам семантического взаимодействия таких морфем следует отнести более сложные переплетения сем внутрисубстантивного образования (*мелузи'нье* – *мелузи'на* – *ме'лузь* – *мел*), в том числе и тавтологической семантики (*челяди'на*, *челядня'*, *челядо'ха* – ср.: *че'лядь*).

Второй параграф данной главы «Морфемная структура основ собирательных имён существительных в территориальном аспекте» состоит из двух разделов.

Первый раздел представляет результаты описания ареальной дистрибуции корневых морфем в структуре основ диалектных собирательных имён существительных, зафиксированных в современных вологодских говорах. Так, локально ограниченные в употреблении морфы могут репрезентировать общерусские морфемы (*глиб/овь[j/o]* 'комья земли' – ср.: *глиба* 'ком, кусочек чего-либо' [СВГ, 1: 112]; (Костр., Сев. Двин., Новг., Яросла.) [СРНГ, 6: 196]), а также относиться к числу диалектных корней (*брунь/[j/o]* 'колосья злаковых растений, преимущественно овса' – ср.: *бронь* / *брунь* '1. метёлка у овса' (Вят., Перм., Оренб., Олон., Арх., Твер., Свердл., Тюмен., Тобол., Волог., Урал., Кем., Том.); '2. осыпавшиеся при укладке в овин колосья и соломинки' (Костром.) [СРНГ, 3: 195; 203]; *брони'ться* 'колоситься об овсе' (Арх., Новг., Волог., Яросл., Твер., Жиздр., Калуж., Перм) [СРНГ, 3: 194–195]), в том числе и севернорусского ареала употребления: *мянд/а'к* 'лес, растущий на болоте' – ср.: *мянда* 'сосна' (Волог., Олон., Арх., Белом., Коми, Костром.) [СРНГ, 19: 85–86], *мяндач* 'болотная сосна' (арханг., олонек., вологодск.), *мендач* 'кривое дерево, кустарник', сиб. (Даль), др.-русс. *мянда* «сосна» (грам. 1462 г.; см. Срезн.); из карельск. *mändü*, фин. *mäntu* «сосна», эст. *mänd* [Фасмер, 3: 30].

Второй раздел параграфа посвящён исследованию территориальной закреплённости морфов аффиксальных морфем. В отдельных случаях общерусские аффиксы представлены диалектными морфами (*тряпоте* [н'j-э], *тряпите* [н'j-э], *лотото* [н'j-э] и пр.), территориальная маркированность которых не вполне очевидна по причине однократности фиксации языкового материала: «Уж куфа'йка-то ста'ла – одно' лотото'нье!» К.-Г. Смольян.; «У меня' на чердаке' в сара'е одно' тряпоте'нье бы'ло». Кир. Ферап. «Ходи'ли и до вас каки'е-то из го'рода. собира'ли тряпите'нье вся'кое». Арх. Вельск. Крыл. Системность в области ареальной дистрибуции обнаруживается только у севернорусского суффиксального морфа -*няг*-, который маркирует словообразовательное значение «совокупность деревьев определённого вида» в составе отсубстантивных основ собирательных имён существительных: *вишня'г, ивня'г, олешня'г, сосня'г* и др. Лексикографические источники и лингвистические карты фиксируют образования с -*няг*- на территории распространения вологодских говоров, а также в современных гдовских, псковских, новгородских, ладого-тихвинских и селигеро-торжковских говорах, исторически связанных с древненовгородским диалектом [Азарх, 2000: 133–134]. Наши наблюдения в целом подтверждают ареал распространения собирательных существительных с суффиксом -*няг*-. в вологодских говорах подобные образования составляют немногочисленную группу слов, называющих совокупности деревьев, которые исконно произрастают на вологодских землях (*сосна, ольха, ива*). Собирательные с суффиксальным морфом -*няг*- фиксируются достаточно широко – от Кирилловского района на западе Вологодской области, границы вологодских и белозерско-бежицких говоров, до Великоустюгского района в восточной части региона.

В результате опроса сельских жителей в возрасте от 50 до 90 лет выяснилось, что при преимущественном употреблении вариантов с -*ник*- // -*няк*- им хорошо известны суффиксальные производные с -*няг*-. Вместе с тем многие информанты считают их малоупотребительными, устаревшими: «Мама'ша «сосня'г» говори'ла, «в соснягу' растёт», а мы уж с Ви'тькой семиле'тку ко'нчили, гра'мотные бы'ли». П. П. Мышин, 74 г., Кир. Борб. Устойчиво суффиксальный морф -*няг* сохраняется в составе топонимов: ср., например, *Долгий сосняг*: «О'льга с Ни'нкой на До'лгом сосня'ге блуди'лись. дак едва' живы'е пришли'». П. П. Мышин, 74 г., Кир.

На основании сказанного выше можно предположить, что вариант *сосняг* представлен в пассивном запасе, на фоне остаточных представлений о более ранних этапах развития говора. Вероятно, динамика развития аффиксальной системы идёт в сторону унификации средств выражения собирательного значения «совокупность деревьев определённого вида» по основному общерусскому варианту -*няк*-. Этот вывод может быть подтвержден и тем, что в говорах, исконно знающих собирательные с -*няг*- в значении «совокупность деревьев одного вида» (например, псковских) по модели с этим суффиксом образуются уже собирательные других значений: *бабняг* 'собр. бабы, женщины' (Псков., Твер.) [СРНГ, 2: 25], *мужичняг* 'собр. мужики' (Новг.) [СРНГ, 18: 394], *комарняг* [Азарх, 2000: 133], что может свидетельствовать, с одной стороны, об угасании у этого словообразовательного типа значения «совокупного множества вместе растущих деревьев», а

с другой – о сохранении ареальной специфики суффиксов собирательности в современных русских говорах.

Третий параграф второй главы «Морфемная структура основ диалектных собирательных имён существительных в когнитивном аспекте» характеризует их когнитивный потенциал, показывает, что все морфемы в структуре основ таких слов так или иначе имеют отношение к выражению значения нерасчленённой множественности объектов. Специфика этой множественности определяется характерными чертами диалектной языковой картины мира: её антропо- и эгоцентрическим характером, приоритетностью биологического выживания и социальной адаптации в крестьянской общине, прагматичностью, традиционностью и экспрессивностью.

В качестве объектов, совокупная множественность которых маркируется в диалектной картине мира как ценность, могут быть названы микросоциальные группировки лиц на основании общей территории проживания (*ваганы* – жители местности возле р. *Ваги* [КСВГ]), возрастных (*челядня* ‘дери, ребята’ [СВГ, 12: 28]), половых (*мужьё* ‘мужчины’ [СВГ, 5: 15]) и прочих характеристик, группировки животных, преимущественно мелких, воспринимаемых как нерасчленённое множество (*паутьё* ‘овода’ [СВГ, 7: 11], *карасьё* ‘караси’ [СВГ, 3: 39]), совокупности растений определённого биологического вида, внешних признаков и производственного назначения (*дубняк* ‘дубовая роща’ [КСВГ], *оглобельник* ‘молодой лес, предназначенный для изготовления оглобель’ [СВГ, 6: 20], *сушняк* ‘участок леса, состоящий из засохших на корню деревьев’ [СВГ, 10: 167]), совокупности предметов бытового назначения (*име’нье*, *скру’та* ‘одежда, предметы быта, приготовленные невесте в качестве приданого’ [СВГ, 10: 34; КСВГ]) и др.

Представление о совокупной множественности коррелирует в крестьянском мировидении с представлением об индивидуальной незначимости каждого из именуемых объектов в силу их недифференцированности по признаку пола (*робятня* ‘дети, ребята’ [КСВГ]), по размерам (*ме’ево* ‘мальки рыб’ [СВГ, 4: 78]), отсутствии практической пользы (*отре’пи* ‘остатки, отходы льна после его первоначальной обработки’ [СВГ, 6: 98], *оскроп’тки* ‘остатки брёвен, досок’ [СВГ, 6: 76], *ошу’рки* ‘очистки’ [СВГ, 6: 115], *охломо’тье* ‘старые, истрёпанные вещи, ветхая одежда’ [СВГ, 6: 107] и др.).

На уровне морфемной структуры слова это может быть реализовано сочетанием аффиксов с собирательным значением и корней различной категориально-грамматической принадлежности.

1. Корни предметной семантики.

Первую группу корней образуют морфемы конкретной семантики. Они связаны с именованьем людей по признакам пола (*девьё*, *мужьё*, *бабьё*), возраста (*детва’*, *робятня’*, *челядня’* ‘дети’ [СВГ, 12: 28]), степени родства (*деверьё*, *шаферьё*), по особенностям поведения (*лыкасьё*, *плутьё*) и др.

Вторую группу составляют корни слов, называющих животных по родовой принадлежности: а) млекопитающих (*медвежьё*; *козьё*), б) птиц (*тетеревьё*, *курё*), в) рыб (*налимьё*, *сорожняк*), г) насекомых (*паутьё*, *комарьё*), а также животных, маркированных по признаку способности / неспособности к воспроизводству (*мериньё*).

Третью группу формируют корни, значения которых связаны с наименованием неодушевлённых объектов: а) элементов ландшафта и микроландшафта (*городищ'на, болотня'к, озерни'на, редколе'сица, верхота', кочьё*), б) метеорологических явлений (*леде'нье*), в) частей тела человека, животного (*череп'ё, кожьё, костьё, волос'ё, косм'ач, усьё* и др.). В этой группе наиболее многочисленны предметные корни, семантика которых связана с именованием растений и их составных частей: а) по родо-видовой принадлежности (*сосня'г, дуб'ё, подье'лица, мянда'к, олешня'к, льни'на* и др.), б) по отличительной составной части растения (*бруньё, колос'ё, коме'лье, пен'ё, прутьё, суч'ё, шипи'ца*), в) с точки зрения именования древесного материала и изделий из этого материала (*дрови'на, па'лочник, бато'жник, жердьё* и др.).

Следует выделить также группу корневых морфем, в семантике которых уже присутствует значение нерасчлнённой множественности объектов: а) предметов одежды, преимущественно ветхой (*бун'ё, гун'ё, труни'на* и др.), б) отходов, мусора (*хламот'ё, шами'на*), в) совокупностей предметов и отдельных частей расчлнённого целого (*кусьё, кульё, сноп'ё, клуб'ё*). В составе таких основ аффикс собирательности служит средством усиления собирательного значения.

2. Корни признаковой семантики эксплицируют различного рода оценки. В соответствии с классификацией Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1984] можно выделить *оценки-аффективы*, аккумулирующие отражение чувственного восприятия мира (происходит оценивание на уровне зрительных, вкусовых, слуховых, осязательных анализаторов); *оценки-когнитивы*, при помощи которых происходит отражение мира с точки зрения психологических, эмоциональных факторов; *оценки-сублиматы*, которые построены на удовлетворении чувства прекрасного, нравственных ощущениях.

Оценки-аффективы: *черне'га, ря'бина, слепня'к, глушня'га, пресня'к* и др.

Оценки-когнитивы в основном связаны с восприятием общих размеров объекта (*малета', малоро'сье, мал'ё, мелкота', мелуза'г, малытьё, меледа'* и др.), частотой расположения составных частей множества (*тонколе'сье, поре'дые, редколе'сица, редня'к, чаща', частоко'л, часту'шник* и др.), их упорядоченностью (*ровня'к*), наличием или отсутствием необходимого количества влаги (*сы'рник, сырня'к, сухоподсто'й, сухо'тина, сушьё* и др.), определения множества объектов через относительный признак (*макову'ша → маковый → мак, прибре'жник → прибрежный → берег, рваньё → рваный → рвать, трухля'к → трухлый → трухнуть* и др.).

Оценки-сублиматы обнаруживаются уже в процессе речевого употребления: так, когнитивы, маркирующие наличие / отсутствие необходимого количества влаги уже воспринимаются в контексте ментального эталона: «*Нлес-то плох'ой, одно' сушьё!*» Нюкс. Бобр. «*Сырня'к в печь накладёшь, дак и не гори'т*». К-Г. Сар. [СВГ, 10: 170, 177].

3. Корни процессуальной семантики.

Процессуальные корни также связаны с реализацией когнитивного потенциала основ собирательных существительных, в частности, с реализацией оценок-когнитивов и экспликацией представлений о характерных действиях. В структуре исследуемых слов вслед за классификацией Л. М. Васильева [Васильев, 1988] мы

выделили три группы корней: а) корни, маркирующие физическое действие (преобразование объекта: *мото'вье, трахому'дые, опи'х'нье, изло'м, омя'лье* и др.; физического действия, сопряжённого с извлечением звука: *чапы'жник, хлоп'ё, галыда'* и др.; физиологического действия: *ежа, есва, еди'лье* и др.); б) корни со значением состояния (*насто'ина, сухосто'й, мерлети'на жи'тельство* и др.); в) корни, обладающие семантикой отношения: *при'дань, дар'ё* и др.

Изучение состава предметных корней в структуре диалектных собирательных имён существительных позволяет выяснить, какие объекты и предметы окружающего мира находят своё отражение в диалектной языковой картине мира. Наши наблюдения совпадают с выводами, сделанными ранее относительно специфики диалектной языковой картины мира [Вендина, 1998; Букринская, Кармакова, 1998; Кирилова, 2008; др.].

1. Инвентарь объектов, которые маркируются производящей базы, демонстрирует такие черты диалектной языковой картины мира, как ценности биологического выживания и социальной адаптации в крестьянской общине, традиционность и утилитарность.

2. Состав признаков, эксплицирующих, в первую очередь, когнитивные оценки объектов картины мира, может быть определён как результат человеческого познания мира в социально, биологически и культурно обусловленной трудовой деятельности.

3. Состав действий также обусловлен потребностями практической деятельности диалектоносителей: это преимущественно физические действия, с помощью которых маркируется воздействие на объект (*изгре'би, оскы'рки*), чрезвычайно «косзаемое», интенсивное по характеру совершения и результату (*ломь, поло'мок*), закрепляются в сознании физиологические действия (*родить → родня', есть → ежа', есва*), реже состояния и отношения (*жи'тельство, даро'вье* и пр.). Это также свидетельствует о биологической и трудовой прагматике диалектной картины мира, готовности крестьянина к его активному преобразованию, а также об экспрессивности восприятия мира.

Анализ собирательной лексики вологодских говоров позволяет выявить основные доминанты в системе ценностей севернорусского крестьянина. Эти ценности определяются местом его обитания, родом занятий, характером отношений с родственниками и односельчанами, иначе говоря, социальными, психологическими и культурными стереотипами.

В заключении делаются основные выводы и определяются перспективы дальнейшего исследования диалектных собирательных имён существительных в русских народных говорах.

По теме диссертации опубликованы следующие работы.

1. Крылова А. Б. Региональная специфика структурной организации собирательных имён существительных в современных вологодских говорах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Вып. 8. – 2008. – С. 160 – 168 (журнал включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», утверждённый ВАК РФ).

2. Крылова А. Б. Собираательные существительные в говорах Вологодской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2006 / Отв. ред. А. С. Герд. – СПб.: Наука, 2006. – С. 160 – 163.

3. Крылова А. Б., Кокарева Л. В. К проблеме картографирования диалектного корневого гнезда с вершиной *-гр...* // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. Монография / Под ред. Е. Н. Шабровой. – СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 298 – 302.

4. Крылова А. Б. Лексико-грамматическое поле собирательности в современном русском языке и его территориальных диалектах // Культура народов Причерноморья: Научный журнал. – № 110. – Т. 1. – Симферополь, 2007. – С. 61 – 68.

5. Крылова А. Б. Собираательные имена существительные в вологодских говорах как средство экспликации языковой картины мира севернорусского крестьянина // Учен. записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». Т. 20 (59). № 3. – Симферополь, 2007. – С. 206 – 210.

6. Крылова А. Б. Собираательные существительные и грамматическая категория числа // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 2 / Отв. ред. Г. В. Судаков. – Вологда, 2008. – С. 248 – 251.

7. Крылова А. Б. Собираательные имена существительные в контексте морфологических особенностей современных вологодских говоров // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 3 / Отв. ред. Е. Н. Шаброва – Вологда, 2009. – С. 118 – 122.

